Auditions как рентгенограмма души

«Сцена», документальный фильм

Режиссер и сценарист Петр Мостовой,

Израиль, 54 мин.

Петр Мостовой — известный режиссер-документалист, и, наверное, он вложил в этот фильм много уменья. Но кажется, что никакого уменья ему не требовалось — такой самоигральный материал попал ему в руки. «Сцена» — не первый и не последний фильм об auditions, отборе актеров. Это, можно сказать, уже особый киножанр. Автору этих строк сразу вспоминаются такие замечательные ленты на соответствующую тему, как «Кордебалет» Ричарда Аттенборо, «Ожидая Гаффмана» Кристофера Геста или «Вороне где-то Бог...» — документальная картина Виктора Виноградова о приемных экзаменах в театральный институт. Документальные фильмы об auditions, кстати, интереснее игровых: в последних профессиональные артисты притворяются испытуемыми, во первых — на деле ими являются. Но почему так захватывающе интересно смотреть документальные картины именно про auditions?

Хороший фильм — по определению такой, который захватывает. Но что такое

«захват»? Это идентификация зрителя с героем, незаметное вживание в его чувства и те ситуации, в которые тот попадает. Вжиться в ситуацию экзамена легче, чем в какую-нибудь другую, потому что каждый зритель сам не раз в ней бывал, и притом это ситуация крайне значимая, когда на карту поставлена судьба. Кроме того, люди, поступающие в актеры или пробующиеся на роль, полностью обнажены; стараясь быть максимально выразительными, они отчаянно подставляются, выставляют на всеобщее обозрение не только свои таланты (которые не всегда наличествуют), но и вкус, воспитанность, тщеславие, нарциссизм, комплексы, слабые и сильные стороны характера. Отборщики зорко выискивают профессиональные данные, мы же, зрители, как будто просматриваем рентгенограммы человеческих душ. И есть в фильмах этого рода еще одна интересная особенность. Каким-то неуловимым образом они всегда являются и рентгенограммами времени.

Мотивировки выбора актерской профессии отражают господствующие за стенами auditionroom моды, настроения, общественную атмосферу. Например, маниакальная фиксация тысяч и тысяч советских мальчиков и девочек на актерской профессии порождалась культуроцентричностью общества («поэт в России больше, чем поэт»), наложившего запрет едва ли не на любую инициативу, кроме инициативы художественного творчества.

Что касается тех, кто в фильме «Сцена» захотел участвовать в будущем спектакле «Кабаре» (или стать актерами кабаре при каком-то ресторане: из фильма не вполне ясно, на что, собственно, кандидатов отбирают), то их главной мотивацией, похоже, является одиночество; это, в основном, давние или недавние «русские» эмигранты, не нашедшие себя в Израиле. Почти никто из этих людей, впрочем, не говорит о своем одиночестве вслух: оно скрыто в глубине душ и глубине фильма. По ходу же картины приходит в голову прежде всего вот что: какие все-таки люди странные существа, как они наивны, тщеславны и не видят себя со стороны.

Вот пожилая женщина, совершенно не стесняясь своего довольно тучного тела, «легко» танцует канкан: как она не понимает, что ей уже не стоит этого делать? Девушка поет совершенно фальшиво, но считает, что родилась для вокала. Пожилой мужчина, прежде чем вошел в комнату, где проходит прослушивание, уже стоит с обнаженным торсом: он воображает себя суперменом и именно в этом качестве надеется быть как-то задействован в будущем кабаре или «Кабаре». И множество других индивидуумов,

предстающих перед отборщиками, немного смешны или странны. Мы понимаем, что это, в сущности, такие же люди, как мы, но во время auditions они обнаруживают свою потаенную индивидуальность — а таковая, в сущности, всегда странна. Однако если обычная жизнь — это что-то вроде армии, где лучше чересчур не проявлять ее, индивидуальность свою, ничего хорошего из этого не выйдет, то auditions — возможность выставить себя подлинного напоказ, причем даже с надеждой вызвать восхищение. Между прочим, этот фильм заставил меня подумать, что коммунизм невозможен хотя бы потому, что человек, на самом-то деле, стремится не так к максимальным благам, как к тому, чтобы его, со всеми его сучками-задоринками, любили больше, чем всех прочих.

Очень смешные люди, ну как дети прямо! Но за их забавной странностью маячит печаль. Из 157 человек, которые пришли пробоваться, отберут всего 17 — остальные вернутся назад «в армию», будут опять ходить строем, и никто не узнает, как они втайне себя обожают и что о себе воображают. И как они все ужасно одиноки, да.

А с другой стороны, ничего такого особенного в фильме не показано. Просто становятся люди перед столом и пляшут, поют, декламируют, в общем, что-то очень интересное (по их собственному мнению, во всяком случае) изображают. Но хочется, чтобы каждого показывали подольше.

Кроме невозможности коммунизма, фильм навел меня на мысль о невозможности даже для самого лучшего актера правдиво сыграть человека: ни один лицедей не способен передать столько нюансов, сколько мы уловили в поведении иных из этих людей за каких-нибудь пять минут audition.

С некоторых пор (пожалуй, уже несколько десятилетий) мемуары и документальная проза пользуются большей популярностью, чем беллетристика. Возможно, в близком будущем и художественное кино будет вытеснено документальным. Мир становится все призрачнее, и людям неохота дополнять виртуализирующуюся повседневность книжной или киношной выдумкой; опившись кока-колой, они хотят воды из лесного источника. Похоже, пришло время, когда davidcopperfield.com уступает место reality.doc.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»
http://bakino.at.ua/